

Новые книги

VR Предлагаем вашему вниманию рецензию Н.Вишневской на книгу Р.И.Капелюшникова «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации». Мы уже публиковали введение к этой книге (см. Том 2, № 2, 2001. С. 5-22). С тех пор книга появилась на прилавках магазинов и пользуется заслуженным успехом.

Р.И. Капелюшников. «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации». М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 309 с.

Вишневская Нина Тимофеевна

Государственный университет – Высшая школа экономики

Email: vishnev@hse.ru

В российской экономической литературе по проблемам переходного периода тематика рынка труда оказалась на периферии научных интересов. Отчасти подобному положению способствовал утвердившийся взгляд на сферу труда как производную от процессов в сфере производства, изменения форм собственности и т.д. Но, пожалуй, главная причина недостаточного внимания научного сообщества к этой теме заключалась в другом. Российский рынок труда оказался мало похожим на ту модель рынка труда, которая сложилась в других европейских странах с переходной экономикой. «Непохожесть» на европейские рынки труда и одновременно сложность процессов, которые происходят на российском рынке труда, не способствовали популярности трудовой тематики среди российских исследователей. Научные работы, опубликованные за последние годы, представляли собой преимущественно первые подходы к этой теме и были посвящены изучению отдельных процессов в сфере занятости и безработицы¹.

Монография Р. Капелюшникова «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации» является по существу первой работой, которая дает обобщенный портрет российского рынка труда, рассматривая происходившие на нем изменения во взаимосвязи и охватывая весь трансформационный период – начиная с запуска рыночной реформы в 1992 г. и заканчивая новым этапом экономического развития, последовавшим за кризисом 1998 г. Данное исследование является итогом многолетней работы, отраженной в многочисленных публикациях автора по различным аспектам функционирования российского рынка труда.

Убедительность выдвигаемых тем или иным автором научных гипотез во многом зависит от достоверности имеющегося статистического материала и умения им оперировать. К одной из сильных сторон Р. Капелюшникова как исследователя можно отнести то, что он строит свою работу на обширнейшем статистическом материале, который включает официальную государственную статистику (данные Госкомстата, Государственной службы занятости) и опросную статистику, накопленную «Российским экономическим барометром» за 1990-е гг. Свободное ориентирование в

¹ Исключением является монография В.Гимпельсона и Д.Липпольда, которая охватывает широкий круг проблем российского рынка труда [Gimpelson, V. and D.Lippoldt. *The Russian Labour Market. Between Transition and Turmoil*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham. 2001].

различных источниках статистической информации и знание методологии измерения различных показателей позволяют автору раскрыть всю глубину изменений в сфере занятости, безработицы и оплаты труда, которые произошли в пореформенный период, и, что немаловажно, убедить читателя в достоверности полученных выводов.

Несмотря на множественность тем, поднимаемых автором, в книге можно выделить два главных сюжета. Первый связан с анализом наиболее характерных черт российского рынка труда, который позволяет Р. Капелюшникову говорить об особой «российской» модели трансформационных процессов в сфере занятости и безработицы. Этой модели свойственны такие характерные черты, как чрезвычайная гибкость и подвижность, высокая способность к адаптации. Второй важнейшей сверхзадачей исследования стал ответ на вопрос о том, насколько сформировавшийся механизм российского рынка труда отвечает задаче структурной трансформации сферы труда, способствует переходу к более эффективной структуре занятости.

Важной составляющей данной работы является критическое осмысление научных разработок, проделанных другими авторами, как отечественными, так и иностранными. Многочисленные ссылки на уже проведенные исследования по проблемам переходной экономики свидетельствуют не только об эрудированности автора, но и о чрезвычайно внимательном отношении к трудам своих коллег. Одновременно следует подчеркнуть, что целый ряд разделов книги (например, феномен задержек заработной платы или анализ динамики рабочих мест) являются новаторскими исследованиями.

Глубокое знание механизма функционирования мировой экономики и западных экономических концепций² позволили Р. Капелюшникову осуществить сравнительный анализ занятости и безработицы в России и в других странах, в первую очередь постсоциалистических. На основе этого сопоставления автор заключает, что «развитие рынков труда в России и странах Центральной и Восточной Европы пошло по различным траекториям, дав основание говорить об особом «российском пути» в сфере занятости» [с. 36].

Автор отмечает, что особый путь, которым идет российский рынок труда, не оказался незамеченным видными западными исследователями, однако их понимание процессов в области занятости и безработицы не всегда полностью адекватно реальным преобразованиям в этой сфере. На чрезвычайно высокую гибкость российского рынка труда первыми обратили внимание Р.Лэйрд и А.Рихтер.³ Однако, как отмечает Р.Капелюшников, их гипотеза о том, что гибкость функционирования рынка труда приведет к быстрой реструктуризации занятости, не подтвердилась на практике. Достаточно односторонней, по мнению автора, выглядит позиция группы экономистов Всемирного банка во главе с С.Коммандером⁴. Отличительной особенностью российского рынка труда они считают сохранение значительных излишков рабочей силы, что ведет к таким явлениям, как консервация занятости, низкий уровень безработицы и вялые темпы реструктуризации. Подход Г.Стэндинга (который нашел

² Капелюшников Р. Современные концепции формирования рабочей силы. М.: Наука, 1981; Капелюшников Р. Теория прав собственности: методология, основные понятия, круг проблем. М.: ИМЭМО РАН, 1991.

³ Layard R. and A. Richter. Labour market Adjustment – the Russian Way, in: A.Aslund (ed.) *Russian Economic Reform at Risk*. L.: Penter, 1995.

⁴ Commander S., McHale J., and R. Yemtsov R. Russia, in: Commander, S., and F.Corichelli (eds.) *Unemployment, Restructuring, and the Labor Market in Eastern Europe and Russia*. Washington: World Bank, 1995.

свое отражение в позиции Международной организации труда и разделяется многими отечественными исследователями) состоит в том, что ситуация на российском рынке труда рассматривается в рамках «стандартного» сценария⁵. Включение в число российских безработных индивидов, занимающих пограничные положения на рынке труда (части экономически неактивного населения, неполной занятости), выводит этих авторов на показатели безработицы, характерные для других стран, осуществляющих переход от административного типа хозяйствования к рыночному.

Что же, по мнению Р. Капелюшникова, отличает российскую модель рынка труда, делая его непохожим на рынки труда других стран с переходной экономикой?

Автор приходит к выводу, что «по большинству институциональных характеристик российский рынок труда предстает как менее «зарегулированный», если сравнивать его с рынками труда других постсоциалистических стран» [с. 8]. На переходных этапах экономического развития гибкость рынка труда приобретает особое значение. Применение различных регулирующих механизмов, жесткая регламентация действий участников трудовых отношений, введение которых обычно обосновывается необходимостью достижения социальной стабильности и защитой работника от произвола работодателя, на практике становится препятствием для адаптации рынка труда к изменяющимся общеэкономическим условиям и, что, пожалуй, еще более важно, сопровождается значительными социальными издержками, в первую очередь в виде высокого уровня и продолжительности безработицы.

По мнению Р.Капелюшникова, российский рынок труда практически не ощущал влияния таких подрывающих его адаптационные возможности механизмов, как высокие ставки минимальной заработной платы (которая оттесняет в ряды безработных индивидов с низкой производительностью труда, прежде всего молодежь) или жесткая система индексации оплаты труда. Налоговая политика ограничения доходов, существовавшая в России в первые годы реформенного периода в виде налога на превышение нормируемого уровня оплаты труда, доказала свою полную неэффективность и перестала применяться уже в 1996 г. Система поддержки безработных также не отличалась особой щедростью, и в большинстве случаев стимулы к регистрации в государственных службах занятости оказывались весьма слабыми. При этом в России отсутствовали мощные и влиятельные профсоюзы, которые могли бы оказать воздействие на общий ход реформ, условия занятости и оплату труда. В тех случаях, когда российские предприятия действовали в условиях институциональных ограничений (таких, например, как высокие издержки, связанные с регламентацией процедуры увольнений, политика ограничения доходов или высокие начисления на фонд оплаты труда), они «имели возможность действовать в обход действующих формальных правил» [с. 100].

Мировая практика выработала целый арсенал средств адаптации к негативным шокам, с которыми приходится сталкиваться рынку труда. При некотором упрощении они могут быть поделены на две основные группы. Первая группа включает меры по снижению уровня оплаты труда. Во вторую группу входят меры «количественной подстройки», т.е. сокращения либо численности занятых, либо продолжительности рабочего времени. Причем вторая группа мер используется гораздо чаще.

По свидетельству автора, характер институциональных ограничений привел к появлению особого нестандартного адаптационного механизма на российском рынке

⁵ Standing G. *The Disappearing Men: Myths and Distortions of Russian Unemployment and Women Employment*. Geneva: ILO, 1998.

труда. Своеобразие «российского пути» в сфере занятости выразилось в первую очередь в том, что «приспособления к происходящим изменениям осуществлялись не столько за счет сокращения численности занятых, сколько за счет гибкости в оплате труда, а также в его продолжительности и интенсивности» [с. 199].

Анализ статистических данных позволил автору утверждать, что в России реакция занятости на трансформационный кризис оказалась намного слабее по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Этот тезис находит свое подтверждение в слабой эластичности изменения численности занятых по отношению к динамике ВВП и промышленного производства, растянутости переходного периода [с. 36-38].

Адаптация сферы труда к трансформационным шокам происходила в России в виде снижения реальной заработной платы при систематических задержках ее выплаты, скрытой оплаты труда, широкого распространения вынужденной неполной занятости (режим перевода на неполное рабочее время и введение административных отпусков), развития вторичной занятости, высокой текучести кадров. Рассмотрение конкретных форм адаптационного механизма сочетается в работе с определением степени «важности» каждой из них. Прделанный автором анализ позволяет точнее определить, какое место занимают в современной российской экономике сформировавшиеся в переходный период механизмы приспособливания. Скрытая оплата труда имеет явно большее экономическое значение, чем скрытая занятость, – подобно тому, как неполная оплата труда имеет явно большее экономическое значение, чем неполная занятость [параграф 1.9].

Один из важнейших аспектов функционирования российского рынка труда автор видит в сочетании масштабного недоиспользования имеющейся рабочей силы и сохранения значительного контингента лишних работников. (Эту проблему на материалах «Российского экономического барометра» (РЭБ) автор подробно анализирует в главе 3.) Проблема трудоизбыточности определяется «как наиболее критическая в процессе адаптации к новым рыночным условиям» [с. 215]. Общий размер «навеса» над занятостью и, самое главное, используемые работодателями методы решения этой проблемы во многом определяют возможные перспективы безработицы в России. Опросы работодателей, проводимые РЭБ, позволили выделить наиболее важные причины сохранения избыточной занятости. «Это – высокие издержки избавления от лишних работников, характер ожиданий российского менеджмента, а также его патерналистские установки, унаследованные от прежней экономической системы и не полностью разрушенные новыми рыночными условиями» [с. 222]. Как показали расчеты автора, «издержки предприятий, связанные с сокращением определенного числа работников в течение 1-6 месяцев, в 5-10 раз превышали издержки, связанные с придерживанием в течение того же времени эквивалентного числа лишних работников. Подобная конфигурация издержек привела к тому, что избыточная занятость приобрела устойчивый характер, а процесс ее рассасывания растягивался на длительное время» [с. 111].

Автор отмечает, что существование избыточной занятости на российских предприятиях парадоксальным образом сочетается с интенсивным движением рабочей силы. По масштабам этого явления Россия значительно опережает страны ЦВЕ, причем достигается это не столько за счет показателя выбытия (что не является удивительным, учитывая глубину трансформационного спада), сколько за счет динамики приемов на работу. Эту парадоксальную черту российского рынка труда Р.Капелюшников объясняет «сочетанием двух факторов – слабым контролем предприятий над процессом

оттока кадров и повышенной текучестью среди вновь принятых работников» [с. 80]. Среди объяснений повышенной текучести кадров наиболее убедительным выглядит фактор низких издержек по найму и увольнениям рабочей силы и связанное с этим отсутствие процедур предварительного отбора кандидатов. На практике отбор наиболее подходящих работников происходит по первым результатам их хозяйственной деятельности [с. 82]. Анализ движения рабочей силы подводит автора к еще одному важному выводу: «традиционный сектор (к которому Р.Капелюшников относит крупные и средние государственные, полугосударственные и приватизированные предприятия) оказался способен выступать в качестве источника притяжения рабочей силы, причем подчас более мощного, чем новый частный сектор» [с. 83].

Относительная стабильность уровня занятости в российской экономике в немалой степени может быть объяснена изменением относительных затрат работодателей на рабочую силу. Снижение производственной заработной платы в реальном выражении (дефлированной по индексу цен производства) было гораздо более глубоким по сравнению с сокращением оплаты труда, дефлированной по индексу потребительских цен. Удешевление рабочей силы для работодателя во многом объясняет относительную стабильность занятости [с. 73].

Существование значительных излишков рабочей силы на российских предприятиях стало одной из причин апокалиптических прогнозов лавинообразного роста открытой безработицы. Однако, несмотря на значительно бóльшую глубину экономического кризиса по сравнению со странами ЦВЕ, рост безработицы в России был выражен слабее и носил менее «взрывной» характер, растянувшись на достаточно длительный период времени. Достаточно сказать, что лишь в 1997 г. безработица достигла 10-процентного рубежа. Автор отмечает, что «приняв во внимание беспрецедентную глубину трансформационного кризиса, поразившую российскую экономику, следует признать, что на протяжении всего переходного периода безработица удерживалась в ней на непропорционально низком уровне» [с. 8]. Хотя первопричины низкого уровня безработицы лежат преимущественно в сфере занятости, определенное сдерживающее влияние оказал отток из экономически активного населения, в первую очередь среди женщин. Для российского рынка труда вообще оказался характерен высокий динамизм по такому показателю, как различные состояния на рынке труда [с. 86].

Обращает на себя внимание такая особенность российского рынка труда, как значительное превышение общего числа безработных над их регистрируемой частью. Первопричину этого разрыва автор видит в особенностях системы страхования по безработице [с. 60-66]. Низкий уровень пособий наряду с задержками их выплат значительно сужает заинтересованность безработных в регистрации в Государственной службе занятости.

Анализ, проделанный Р. Капелюшниковым, опровергает получивший широкое распространение миф о застойном характере российской безработицы. Динамика притока и оттока в состав безработных, длительность пребывания без работы, социально-демографическая структура безработицы – все эти показатели свидетельствуют о том, что как общая, так и зарегистрированная безработица «...оставалась более динамичной и краткосрочной, равномернее распределялась по социально-демографическим группам, а кроме того, была в большей мере свободна от искажающего воздействия государственных программ поддержки безработных», чем в большинстве стран ЦВЕ [с. 66].

Одной из загадок российского рынка труда является относительно скромная роль высвобождений (включая увольнения за нарушение трудовой дисциплины) как

источника пополнения числа безработных. В странах с развитой рыночной экономикой даже в периоды экономического подъема, не говоря уже о кризисах, число уволенных по инициативе работодателей намного превышало число уволенных по собственному желанию. В России «на протяжении почти всего пореформенного периода численность безработных, покинувших последнее место работы по собственному желанию, превосходила численность высвобожденных» [с. 54]. Все это говорит о том, что работники достаточно оптимистично оценивали перспективы нахождения новой работы.

С точки зрения автора, ключевым элементом российского рынка труда, сделавшим его столь «непохожим» на рынки труда других стран с переходной экономикой, стали массовые задержки выплат заработной платы (они подробно анализируются в главе 4). Один из наиболее важных вопросов, который ставится и блестяще решается в монографии, состоит в том, почему невыплаты заработной платы оказались так прочно вмонтированы в российскую модель рынка труда. По мере развития рыночных реформ это явление несколько не потеряло своей актуальности, напротив, наблюдалось почти непрерывное нарастание объема задолженности по оплате труда.

По мнению Р. Капелюшникова, эскалация невыплат не только в бюджетном, но и в коммерческом секторе не может быть лишь побочным продуктом неурегулированности бюджетных проблем. Одним из важных достоинств работы является то, что автор сумел эмпирически проверить весь спектр гипотез о возможных спусковых механизмах невыплат. Как показал проделанный анализ, ведущую роль в генерировании невыплат сыграла не сознательная политика менеджмента, манипулирующего сроками оплаты ради достижения определенных управленческих задач (снижения затрат на труд, избавления от лишней рабочей силы), а объективные факторы – такие, как нехватка ликвидных средств, низкая эффективность производства. «С макроэкономической точки зрения тот факт, что российские предприятия чаще выступают в качестве «вынужденных», а не «добровольных» неплательщиков, означает одно: их попытки обеспечить своевременность выплат любой ценой (скажем, за счет банковских кредитов) были бы сопряжены со столь значительными издержками, что для многих решение об очередной отсрочке зарплаты оказывается оптимальным, если не единственно возможным» [с. 26].

В то же время подобная практика вряд ли была бы осуществима, если бы не готовность самих работников «терпеть» невыплаты заработной платы. По данным РЭБ, к которым обращается автор, предельный срок, в течение которого работники готовы трудиться, не получая вознаграждения, составляет 5-6 месяцев. Подобная «терпеливость» наемных работников объясняется общей слабостью их переговорных позиций, в том числе отсутствием эффективных инструментов защиты своих интересов.

Хотелось бы полностью согласиться с автором, когда он пишет о том, что утверждение неплатежей, в том числе заработной платы, в качестве стратегии российских предпринимателей (хотя она в значительной степени принималась под влиянием вынуждающих объективных обстоятельств) стало возможным в силу чрезвычайной слабости контролирующих государственных институтов. Правительство страны и весь государственный аппарат оказались не готовыми ограничить эту практику. Задержки государственных социальных выплат (таких, как заработная плата работникам бюджетных отраслей, а также пенсии и социальные пособия) усугубляли эту проблему [с. 23].

Ключевым моментом монографии является оценка роли российской модели рынка труда в проведении структурных преобразований, которые, собственно, и являются одной из важнейших целей предпринятой крупномасштабной экономической реформы.

На первоначальном этапе реформ предполагалось, что именно гибкость и мобильность рабочей силы позволят осуществить крупномасштабное перераспределение трудовых ресурсов из неэффективных секторов сразу в развивающиеся, без перехода больших масс населения в состав безработных.

Важнейший вывод работы состоит в том, что при всей своей гибкости сложившаяся российская модель рынка труда не обеспечила перехода к более эффективной структуре занятости. «По всему набору показателей, измеряющих интенсивность перераспределительных процессов на рынке труда, будь то перемещения из традиционного сектора в новый частный, из сферы промышленности – в сферу услуг, из неэффективных предприятий – на эффективные, Россия заметно уступала большинству стран ЦВЕ» [с. 142].

Заметно более низкая интенсивность структурных сдвигов на рынке труда заставляет более критично оценивать социально-экономические последствия «российского варианта» развития рынка труда. Хотя подобная модель сыграла важную роль социального амортизатора, способного гасить стартовые издержки перехода к новым условиям хозяйствования, одновременно она превратилась в препятствие для эффективной реструктуризации занятости. Диверсификация занятости (сочетание неполной занятости в традиционном секторе с дополнительной работой в новом частном секторе) ослабила стимулы к перемещению работников в частный сектор. В свою очередь традиционные предприятия благодаря дешевизне рабочей силы и принудительным заимствованиям в форме задержек выплат заработной платы получили возможность не форсировать техническое перевооружение производства. Практика скрытой оплаты труда также способствует ослаблению трудовой мобильности, а в результате продолжающегося использования неденежных форм компенсации функция заработной платы как главного мотивационного механизма оказалась ослабленной. Частные предприятия, пытаясь снизить высокие косвенные издержки на рабочую силу, широко практикуют прием на работу на условиях дополнительной занятости, зачастую носящей неформальный или полупоформальный характер. Однако это одновременно ведет к тому, что многие частные предприятия останавливаются в своем развитии. Такая важнейшая характеристика российского рынка труда, как «недозанятость-недоплата» стала не промежуточным этапом на пути к более эффективной структуре занятости, а новым состоянием долговременного равновесия [с. 142].

Автор приходит к выводу, что «система полупоформальных трудовых отношений, сложившаяся в российской экономике, хотя и препятствовала развитию высокой безработицы, вместе с тем замедляла темпы реаллокации-реструктуризации на рынке труда. Амортизируя шоки, она, как это ни парадоксально, способствовала скорее консервации исходной неэффективной структуры занятости, нежели ее перестройке, – не ускоряла, а тормозила процессы перераспределения рабочей силы». Темпы реаллокации могли быть гораздо выше «при более широком применении жестких дисциплинирующих механизмов, таких, как банкротства, вынужденные увольнения и открытая безработица» [с. 146].

Одна из важнейших проблем, поставленных автором, касается выявления глубинных факторов, которые обеспечили функционирование российского рынка труда в том его виде, в каком он сложился в пореформенный период. По мнению Р.Капелюшников, подобная модель рынка труда стала возможной в условиях образовавшегося институционального вакуума. В ситуации, когда старая институциональная система, основанная на социалистической собственности и административных рычагах

управления, оказалась демонтированной, вновь создаваемые формальные институты (политические, экономические, социальные) оказались очень слабы и неразвиты. Образовавшиеся бреши были немедленно заполнены неформальными моделями взаимодействия.

«В России вживание новых формальных регуляторов приводило к совершенно иному, неожиданному результату – к еще большей активизации «нестандартных» поведенческих моделей и непрерывному расширению их репертуара. Введение новых «правил игры» прекрасно уживалось с эскалацией неплатежей, безденежных обменов, задержек заработной платы и т.п.» [с. 150-151]. «Любые формальные институты начинали сразу же прорасти неформальными отношениями и личными связями. Отличительный признак сформировавшегося за годы реформ общественного устройства – не просто слабость формальных регуляторов, а их глубинная мутация, когда они начинают функционировать в неформальном режиме. Составной частью деинституционализированной российской экономики стал деинституционализированный рынок труда. Его действительный институциональный фундамент составляют не законы и контракты, а неформальные связи и отношения» [с. 155].

По мнению Р.Капелюшникова, основным препятствием к нормализации институционального пространства, к нахождению нового устойчивого баланса между формальными и неформальными регуляторами является отсутствие в современной социально-экономической системе России эффективного механизма контроля за соблюдением законов и контрактных отношений. Хотя отсутствие «зарегулированности» помогло в определенной степени сгладить многие болезненные последствия адаптации, в долгосрочной перспективе преобладание неформальных институтов оборачивается существенными потерями. К таким потерям автор относит сегментацию рыночных отношений, сужение временного горизонта принимаемых решений, появление широкого поля для злоупотреблений, появление частной юстиции. «Гораздо хуже российский рынок труда оказался приспособлен к тому, чтобы быть проводником структурных сдвигов. Обволакивая исходно неэффективную структуру занятости сетью неформальных отношений, он способствовал скорее ее консервации, нежели обновлению» [с. 156]. «Адаптация без реструктуризации» – именно так Р. Капелюшников определяет главный принцип функционирования российского рынка труда. Достаточно успешно выполнив амортизирующую функцию, рынок труда в нашей стране оказался мало приспособленным для глубинной трансформации [с. 156].

Говоря о перспективах развития российского рынка труда, автор указывает на реальную опасность того, что «попытки перевести существующую институциональную систему в иной, более упорядоченный и «правилообразный» режим, с опорой на универсальные и прозрачные нормы и процедуры, могут пойти по ложному пути – расширения и усложнения сети запретов и ограничений, безостановочного наращивания и ужесточения административного контроля» [с. 298]. По мнению Р. Капелюшникова, успешную реинституционализацию российского рынка труда «можно обеспечить, двигаясь двумя встречными маршрутами – повышая «цену» за отклонения от требований закона и контрактных установлений, но одновременно минимизируя число и упрощая содержание существующих формальных ограничений» [с. 298]. Автор предупреждает, что «любая попытка втиснуть российский рынок труда в жесткий административный каркас имела бы разрушительные последствия. Она подорвала бы действие выработанных им механизмов краткосрочной адаптации, не создав ни стимулов, ни условий для продуктивной долгосрочной реструктуризации занятости» [с. 298-299].

В этом кратком анализе не хотелось бы останавливаться на отдельных неточностях данной работы прежде всего в силу их малочисленности, а также потому, что они совершенно не снижают качества этого неординарного исследовательского проекта. В заключение хотелось бы отметить, что монография Р.Капелюшникова «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации» является ярким событием российской науки, а ее автор – талантливым и самобытным исследователем.

